

УДК 159.9.07

Б. И. Хозиев, В. Б. Хозиев

Мотивация как форма ориентировки в пространстве социальных ценностей (на примере анализа мотивов военной службы)

Аннотация:

Мотивация военной службы рассмотрена в статье как многоплановый процесс принятия и трансформации жизненных ценностей молодым человеком через манипулятивные тенденции, формы современной культуры и соответствующие моменты кризиса личностного развития в виде инициации и конформизма.

Ключевые слова: мотив, мотивация, военная служба, дедовщина, неуставные отношения, делинквентное поведение

Об авторах: Хозиев Борис Ильич, кандидат психологических наук, доцент, капитан 1-го ранга в отставке, bih@mail.ru;

Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна», v_hoziev@mail.ru

Проблематика мотивации является традиционно центральной и фундаментальной для психологии. Наверное, по-другому и быть не может, поскольку узловым моментом анализа любых форм активности человека, личностных деяний и поступков в теоретическом, экспериментальном или прикладном для психологии ключе является мотивационно-потребностная сфера. Скажи мне, каков твой мотив, и я скажу, кто ты и что будет дальше – примерно такой императив справедливо доминирует в современном человековедении. Но как происходит становление и оформление мотивации в каждом конкретном личностном контексте, эпизоде, выборе – до сих пор остается скрытым на всем пространстве объяснительных моделей: от психологических теорий до консультативных концепций, от научной до житейской психологии, от педагогической практики до опыта юридического осмысления делинквентных поступков.

Особенно мотивационно непредсказуемыми и драматичными иной раз выглядят современные поступки молодых людей в армии [2; 7; 14; 15; 16; 25; 32]. Предвидеть их оказывалось, по оценкам свидетелей, невозможно, а объяснение *post factum* зачастую сводится к «внезапно произошедшей травматизации» («психотизации», «стремительно развертывающейся девиантности» и др.) на фоне «имевшего место буллинга» («троллинга», «моббинга», насилия и др.). Смысл закавычивания этих понятий и выражений состоит в том, что психологическая действительность в этих объяснениях скорее подводится под диагноз, но не рассматривается всеобъемлюще и объективно. Причем проблема не единична, как иной раз пытаются ее представить заинтересованные стороны из социальных институтов, где подобные случаи происходят, но вполне массова и тотальна, если иметь в виду многообразие форм «дедовщины» и других мировых и сугубо отечественных видов «мотивированного насилия». Остро, проблемно и как-то очень безысходно выглядит это явление в современной отечественной армии [25; 28; 32]. Понятно, что армия есть лишь продолжение общественных матриц отношений и тенденций, к тому же больна всеми теми же болезнями, которыми больно общество. Но очевидно также, что без должного гражданского контроля за функционированием армии обозначенную проблему не разрешить, а вот объяснить происходящее – эту задачу у профессионального психологического сообщества отнять невозможно и, более того, она является важнейшим долгом психологов в отношении армейского социального института.

Учитывая контекст обсуждения болезненных точек нашего современного общества, даже сама формулировка проблемы мотивации военной службы может не иметь однозначной трактовки. Поэтому дадим ее только в общем виде: как так получается в различных видах и формах социальной практики, что при явном общественном давлении («социальной желательности») и в заданных сугубо положительных нормативах поведения для молодых людей в социальных институтах (не только в армии, но и в школе, спортивном клубе, профессиональном сообществе и др.) в повседневной практике могут наблюдаться (культивироваться, развиваться) совершенно устойчивые и прямо-таки передаваемые от поколения к поколению делинквентные и абсолютно варварские по форме и содержанию мотивы и поступки? Элементарные обследования популяции показывают, что эти мотивы категорически неприемлемы ни для семей, ни для подростковых или этнических сообществ в нашей стране, откуда выходят эти юноши [7]. Мотивы военной службы, столь важные для России в правильной нравственной постановке у поступающих в армию и флот молодых людей, оказываются искажены уже

на «входе в казарму», а уж тем более при осуществлении воинских обязанностей. И это при том, что уважение военных, института армии, армейского уклада и традиций со стороны общества, даже учитывая сложный анамнез общества последних десятилетий, в целом сохраняется, как показывают опросы общественного мнения, на высоком уровне.

Рассмотрим некоторые существенные категории и средства психологии, которые могли бы пригодиться при разрешении намеченной нами задачи. Как всегда, основные эвристики и принципиальные ошибки и заблуждения в понимании ключевых вопросов психологии содержатся в ее истории. С библейских времен личностный выбор человека, принимаемая или не принимаемая на себя ответственность, нравственное, моральное, этическое сопоставление индивидуальной линии поведения и принятой общественной позиции – таковы основные моменты мотивационного анализа, проводимого любым человеком, его окружением, ближайшими последователями, оппонентами и сочувствующими. Основные объяснительные принципы мотивации конкретных поступков в ходе последних трех тысячелетий занимали целостный универсум между, с одной стороны, тотальной внешней детерминацией человеческого поведения, зафиксированной в явных и неявных нравственных и правовых законах и, с другой, внутренним пониманием и видением жизни, проистекающим из собственного понимания человеком жизненных коллизий. Как всегда бывает в человековедении, основным трендом современности стала «примиренная» противоположность: согласно ей, мотивация конкретного персонажа формируется общественной необходимостью, но осуществляет себя в ходе индивидуального выбора [1; 3].

Двадцатый век принес несколько важнейших обобщений в отношении мотивации. В центре рассмотрения оказалась в первую очередь интенциональная сторона мотивации – что хочет, чего желает человек, к чему стремится и почему [18; 19; 21; 24]. Метод исследования такого рода мотивов сосредоточился в основном вокруг опросов испытуемого о его желаниях и интересах, вокруг интроспективного описания своих мотивов в условиях лабораторного эксперимента [19], а также в многообразных срезовых стандартизованных тестовых процедурах. «Проективность», «семантичность», «феноменологичность» – таковы оказались косвенные признаки отношения и самоотношения испытуемого, доступные для исследования мотивации [19, с. 301-316]. Но ведь, как гласит пословица, «обещать – не значит жениться», т.е. мотивация конкретной личности, раскрываемая в условиях опроса, вовсе не является подлинной. «Социальная желательность» позволяет участнику опроса скрывать, и, скажем более мягко,

предупредительно не проявлять в опросе настоящей мотивации. Видимо, именно из-за этого методического обстоятельства глубоко в тени психологического изучения оказался жизненный аспект мотивации – готовящееся решение человека по поводу плана его предстоящего действия. Это упущение, несомненно, оказало свое влияние на теорию и практику психологии. Гораздо более существенным и показательным, даже если только ограничивать свой анализ мотивации траекторией оформления мотива, оказался не момент фиксации мотивации через опрос, но процесс формирования решения личностью, выбора мотива, ориентировки в приоритетности для себя представленных в плане предстоящего действия ценностей.

Анализ различных определений и точек зрения на мотив и мотивацию позволяет сделать следующие выводы. В целом в психологии имеются два направления в определении роли, места и содержания мотива. Одно направление видит основное, психологическое содержание мотива в том, что он является источником активности, побуждающим к деятельности. Решающую роль в этом побуждении играют потребности, самые разные по содержанию и форме: от естественных и органических до духовных и моральных. Такое понимание соотношения «потребность – мотив» выделяет состояние необходимости, нужды в качестве главного источника активности с одной стороны, и характеристики этой активности – с другой. Этим и объясняется большое феноменологическое разнообразие мотивов по содержанию, форме, силе и способам становления и развития, а также размытые границы применения различных категорий для описания и характеристик мотивации. Можно встретить в психологической литературе случаи, когда мотив «примеривается» к поступку, проступку, к любому поведенческому акту человека. Нетрудно заметить, что при таком понимании мотива происходит смещение его в сторону философской категории «причины действия», отвечающей на вопросы «почему», «из-за чего», «зачем». В русле этого направления *мотивами* являются влечения, желания, хотения, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение и др. Все эти понятия страдают одним существенным недостатком – отсутствием для всех единой точки отсчета, валидного методического инструмента и, стало быть, невозможностью объективного исследования.

Еще одним принципиальным аспектом мотивационного анализа стала дилемма «объективности – субъективности». Согласно поверхностным и феноменологическим обобщениям традиционно представлялось, что человеческая мотивация является торжеством субъективности и сплошь обусловленным «изнутри» произволом желаний и

намерений конкретной личности. Тогда как более философски «подкованные» концепции, расширяющие контекст исследования и прослеживающие хотя бы в общих чертах детерминистские траектории «извне-внутри», «общество-личность», «этнос-индивид», в большей степени склонялись к тому, что человек в своих желаниях отражает, по меньшей мере, основные императивы морально-нравственного уклада своего общества (цивилизационной перспективы), ближайшие потребностные ориентиры своего этноса и, наконец, присвоенные семейные предпочтения и отвержения [1; 37].

Вместе с тем, в эпоху психологического кризиса (по Л. С. Выготскому), столетие которого уже возможно отмечать, поскольку принципиально исследовательская ситуация не изменилась ни на йоту, понимание мотивации в среде и теоретиков, и практиков психологии продолжает оставаться все таким же: нечетким и неясным [9; 10]. Что есть мотив, каким методом возможно его адекватно проявить и охарактеризовать, каков характер мотивационных изменений (ситуационных, личностно и эмоционально обусловленных, квазипотребностных и др.), на которые явным образом указывают исследования школы К. Левина? Какова психологическая сущность мотива, как он «работает»? Сегодня мотивацию людей при определенных условиях и в определенных аспектах считают предметом своего изучения и объектом управления множество наук: социология, педагогика, этнология, политология и др. Очевидно, что психология отвечает за понимание, как конкретный человек приходит к определенному и конкретному мотивационному решению, но где приемлемые модели формирования мотивационных выборов и решений? Из трех возможных предметных линий исследования мотивации оказались пристально рассмотренными лишь *структура* и *функционирование* мотивационной сферы. Это и понятно, аспект *развития* мотивации «срезовыми» процедурами не удастся раскрыть ни в коем случае [9]. Обобщим эту проблему: мотив в психологическом исследовании устанавливается в основном как итог, как результат ориентировки в определенном личностно-ценностном пространстве возможных действий.

Обозначим наиболее существенные для нашего исследования идеи Ж. Нюттена [24]. В частности, принципиальным является его представление о «неадаптивности» человеческих потребностей, когда не приспособление к миру, но его преобразование к своим планам, проектам и потребностям есть норма бытия человека. Еще одна идея – гетерархичной организации потребностей (в противовес уже ставшей привычной иерархии А. Маслоу) – позволила переосмыслить потребностно-мотивационный континуум таким образом, что одни виды потребностей не выводятся из других. В самой

мотивации присутствуют две разнонаправленные тенденции: вовне и внутрь субъекта. Первая направлена на самодетерминацию, самоактуализацию, достижения, самозащиту и др. и т.д.; вторая – на самоотдачу, контакты с окружением, аффилиацию, единение и любовь. Потребности пластичны и могут трансформироваться в цели, в планы и проекты, интегрироваться с имеющейся системой ценностей. Временные жизненные пространства различных людей отличаются друг от друга: одни преимущественно ориентированы на прошлое, другие на настоящее, третьи на будущее [24]. Таким образом, в подходе Нюттена к мотивации мы видим значимую для нашего исследования тенденцию перенести «точку внимания» с рассмотрения мотива как *результата* на мотивацию как сложный и нелинейный *процесс*.

Множественность определений *мотива* (например, в «Национальной психологической энциклопедии»¹ – 25 дефиниций) указывает на высокую степень дискуссионности и неопределенности, с одной стороны, а с другой – открытости и чрезвычайной востребованности содержания и объяснительного потенциала этого понятия. Мотив, мотивация – важнейшие указания на причины и сущность, детерминирующие и обуславливающие конкретные проявления активности человека. Настоящим шоком и одновременно исследовательским прорывом для гуманитарного сообщества оказались послевоенные психологические эксперименты, в минимальном приближении моделирующие сложные коллизии социальной детерминированности и самостоятельного мотивационного выбора личности. Обратим внимание на одни из наиболее острых и активно повлиявших на траекторию развития психологии мотивации эксперименты по исследованию конформизма С. Эша и С. Милграма, феномен Кэтрин Дженовезе, «эксперимент» Ф. Зимбардо, вышедший благодаря кинематографу из подвала Стендфорда в реальную жизнь, истоки агрессии, мотивы социальной помощи и «социальное научение» у А. Бандуры и др. [1; 29]. Общий подтекст этих экспериментов, их настоящая сверхзадача – исследование границ допустимого человеческого поведения при наличии и отсутствии внешнего социального контроля. И, конечно же, будирование общественного мнения в связи с открытыми фактами могущей быть глубоко больной и патологичной человеческой природы.

---

¹ <https://vocabulary.ru/termin/motiv.html> дата запроса 03.02.2022

И вот когда уже с момента обнаружения и осмысления этих фактов и концептуальных объяснений, казалось бы, минула уже целая эпоха, подобное поведение довольно весомо начинает обозначать себя в нашей культуре как суровый и опасный тренд на делинквентность [22]. Отчетливо прослеживается его криминально-подростковый характер на фоне совсем «не детских», а проходящих с тяжелым нравственным и физическим уроном в качестве последствий этих активных и необратимых деяний. А, кроме того, заметны важнейшие симптомы скрытой и открытой их мотивационной отягощенности: демонстративный протест, «нелюбовь», социальная или этническая месть, очевидное желание повелевать людьми, которых судьбой бросило под ноги тем, кто в данный момент времени имеет хотя бы небольшую власть над другим и др.

Многомерность во многом «бессмысленного и беспощадного бунта», наблюдаемого в самых различных сферах бытия: протестности у футбольных болельщиков, нападений с использованием оружия в образовательных учреждениях, при расстрелах и самострелах в армии, при дозволенном насилии в пенитенциарных учреждениях (тюремная «швабра» и все что с ней связано) [23], при «бытовых» конфликтах в общественном транспорте, местах питания, на дорогах страны и др., при суицидах у должностных лиц производит крайне тревожное впечатление. Это уже не «кто-то и кое-где у нас порой», как пелось в известной советской песне, а вполне закономерное явление, набирающее социальную мощь и не останавливающееся перед возможными жертвами и неизбежными тяжелыми общественными и личностными последствиями. Реконструируя мотивационно-потребностную сферу военнослужащих по причинам их делинквентных поступков, мы попытаемся дать общее и предварительное объяснение происходящему. Отметим, что авторы статьи сами из старинного военного рода и у нас нет никаких оснований для примитивного представления, что в «армии все плохо». Скорее, нашим мотивом исследования является известный киношный тезис «за державу обидно!». И то, что армия есть отражение общества во всем объеме социальных и психологических переменных и трендов, быть может, для нас не просто констатация аксиомы, но указание на более высокую концентрацию проблемности из-за тяжести военной службы, жесткого порядка бытия и нерешенности многих, в том числе, мотивационных задач, как в армейском социальном институте, так и за его пределами.

Дедовщина является одной из наиболее острых проблем для армии и гражданского общества. Уродливое и незначительно представленное в других армиях мира² явление так называемых «неуставных отношений», «казарменного хулиганства», подавления, насилия, а в последнее время уже настоящего криминального обирания, глумления старослужащих (или представителей этнических группировок) над другими солдатами никак не способствует полноценной реализации армейских функций и боевой готовности подразделений. История дедовщины проблемна и противоречива, и, как и любое наследие несостоявшегося социализма, полипричинна, многослойна и к тому же мифологизирована [2; 15; 16; 17]. Есть несколько гипотез о происхождении дедовщины [14]: «из-за сокращения или увеличения срока службы», обуславливающих мстительную реакцию старослужащих, «из-за призыва на военную службу людей с криминальным прошлым», «из-за коррупции в армии, связанной с массовым использованием солдат и сержантов для выполнения хозяйственных работ и извлечения для себя материальной выгоды», из-за своеобразной матрицы делинквентных отношений, возникающих в социальных институтах военного обучения офицеров и др.

Ни одна из этих гипотез в целом не дает ответа на вопрос, почему в других культурах и этносах подобные же процессы не приносят такого весомого отрицательного результата как в нашей культуре. Очевидно, что имеют место более фундаментальные процессы. Изменение статуса армии в послевоенное время, перекалдывание боевой подготовки на младшие чины, последовательная трансформация зрелого и профессионального офицерского отношения к солдатам на прагматическое и даже потребительское, распространение дедовщины в офицерской среде (в условиях военных училищ), структурная девальвация армейских задач с постепенным снижением значения боевой подготовки в ряду хозяйственных функций, использование военнослужащих для строительных, ремонтных и прочих непрофильных работ, низкий уровень профессиональной военной подготовки солдат и сержантского состава и др. – все эти системные «отягощения» солдатского функционала не прошли бесследно. Но все же не только они становятся основной причиной делинквентного искажения мотивации службы в армии.

---

² В армиях стран СНГ эта форма отношений присутствует, об этом говорят публикации. При этом активное введение контрактной службы не везде существенно и сразу меняет остроту проблемы [6].

Для понимания этой причины совершенно недостаточно фиксировать мотивы людей опросными методами (критика этих методов, к сожалению, уже не столь масштабно представлена в актуальной психологической периодике; напротив, опросные методы, несмотря на их крайнюю неэффективность (см. критику Р. Розенталя), все еще широко отражены в современной психологической эмпирии данных). Тем не менее, иные пути исследования трудны для осуществления, поэтому традиционно одним из наиболее «бедных» и малоизученных в психологии мотивации является аспект мотивационного развития (движения, в равной степени не только «прогресса», но и «регресса», деградации мотивов, развала мотивационной сферы человека). Наиболее продуманным, обсужденным и в первом приближении исследованным, хотя и в основном с помощью опросных методов, является развитие учебной мотивации у школьников [13].

Блестящий пример движения мотивов (феномен «сдвига мотива на цель») алкогольно зависимых представлен в патопсихологическом исследовании Б. С. Братуся [5]. Здесь мы видим реконструкцию динамики мотивационной сферы алкоголиков, их общей тенденции на пути личностной деградации. Индивидуальная драма каждого конкретного пациента становится моментом общего закона и массовой трагедии распада личности зависимого под влиянием сложного сцепления обстоятельств: самой личности, ее окружения, традиций потребления вещества, психических и физиологических последствий и др. Обозначим, что в ситуации вещественной зависимости (зависимости от ПАВ – психоактивных веществ – так принято именовать это патологическое пристрастие в медицине) может происходить даже не замещение, а сдвиг мотива на цель – снижение, превращение, искажение актуальной мотивации сквозь толщу противоречивых требований ближайшего социума. В ряду этих по-настоящему бедственных требований-условий, детерминирующих зависимость, находится *инфантильность* [27].

Инфантильность можно считать психологической приметой нашего времени. Как строгий знак она не имеет положительного или отрицательного значения, но выступает некой важнейшей функцией (миссией!) развивающейся западно-европейской цивилизации: *инфантилизация*, т.е. увеличение времени и семейной/институциональной защиты от жестких требований жизни на определенном этапе становления личности молодого человека призвана обеспечивать его безопасное развитие. То, что для общества является безусловным благом (по различным критериям выходит по-разному, но детство временным образом расширилось за столетие примерно на 10-15 лет, до 25-30 лет), то для конкретной семьи и конкретной личности вполне может быть проблемой и даже

трагедией, как мы пытались показать это на примере наркозависимых [27]. Инфантилизация в качестве наиболее первого и очевидного симптома порождает безответственность. Разумеется, не сама инфантилизация, но ее неадекватные условиям бытия варианты реализации.

Например, в современном интернете легко ищется подборка фотографий «из казарм» с указанием зубной пастой или фломастерами на спинах солдат первых месяцев службы, что кто-то, где-то или что-то является «силой». В психологическом отношении эта степень нравственного падения старослужащих, допустивших подобные формы демонстрации своего превосходства, именуется *глумлением*. Очевидно, что солдаты, осуществившие его, ни на секунду не предполагают, что через систему сообщающихся сосудов социума не им, так их детям вернется это унижение, да еще в самый не подходящий для этого жизненный момент. Но у них нет ответственности за свои действия (для кого-то – бездействия), поэтому вновь за социально-психологической оценкой происходящего можно обратиться к императиву М. А. Шолохова в романе «Тихий Дон» и часто используемому В. Т. Шаламовым в своих рассказах выражению «умри ты сегодня, я завтра!» [34]. В этой идиоме в концентрированном виде отражено чудовищно инфантильное и цинично-прагматичное преклонение перед извращенным и неизбежно криминальным ходом событий.

А зачинаялось это выражение в истории нашей страны вполне определенным путем. Е. А. Шкловский писал: «О. Волков в «Погружении во тьму» вспоминает, как был поражен насилием, чинимым охранниками над только что прибывшим этапом, уже в первые лагерные сутки. Падающих поднимали, разбивали в кровь лицо, пинали ногами. Чуть позже он узнает о таком роде наказания, как ставить «на комары», когда раздетого догола заключенного отдавали на съедение полчищам свирепых соловецких комаров, облеплявших беззащитное тело серым шевелящимся саваном. Узнает, как пристреливают «при попытке к бегству» ни о чем таком вовсе и не помышлявшего заключенного. «Пусть память и хранила расправы и насилия первых лет революции, — пишет О. Волков, — да и в тюрьме не миндальничали, но еще не приходилось убеждаться, чтобы произвол возводился в систему. Да к тому же развернутую в таких масштабах...». В этих условиях любая попытка протеста грозила мгновенной безжалостной расправой, потерей здоровья, а то и гибелью. Поэтому формула «раньше сделай, а потом спроси...» была формулой бунта — бунта человеческого достоинства и совести против инстинкта самосохранения, который приказывал молчать и не высовываться, против лагерного

индивидуалистического закона: «умри ты сегодня, а я завтра», обрекающего человека на беспомощность и равнодушие окружающих» [34].

Мотивация ориентирует человека в ценностях его эпохи, его времени, его социального пространства. Например, в избираемой им профессии или намечаемом предназначении. Эту особенность в свое время подметил К. Маркс [20]: «...высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми. Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, **содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее**, – он будет поступать благородно, уже потому, **что благородным является положение, занимаемое им в обществе** (выделено нами – Х. Б., Х. В.) ... Но достоинство может придать лишь та профессия, **в которой мы не являемся рабскими орудиями**, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий ... Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие. ... Презрение к самому себе — это змея, которая вечно растравляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния. ... Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными» [20]. Блестящее гегельянство, прослеживающееся в этих словах Маркса, подчеркивает нам самый значимый момент в отношении мотивационно-потребностной сферы человека: мотивы заданы извне, но принятие мотива и соотнобразующая с ним активность всегда есть сложное соотнесение личностью и только ею внешних требований общества и собственных желаний.

Вернемся к реконструкции мотивации военнослужащих. Для упрощения нашей объяснительной модели в ходе анализа рассмотрим несколько трендов развития мотивации человека в конкретных жизненных обстоятельствах. Чего желать, как поступить, что считать допустимым – таковы ценностные ориентиры мотивации как процесса. Принятие или непринятие их, как мы дальше увидим, опирается на имеющуюся у человека систему ориентиров, актуальный дискурс и обстановку инициации и конформизма, развернутую вокруг предполагаемого поступка личности [1; 3]. Делинквентность мотивационных решений мы видим преимущественно в условиях

социальных институтов (школы, армии, фанатских сообществ, криминальных субкультур и др.), а также референтных групп. Хотя конкретные исследования мотивации такого типа нам не известны, тем не менее, мы здесь видим сложные переходы из *внешнего* мотива к *внутреннему* (когда ученик уверовал, например, в силу систематического списывания или некритичного заимствования чужих текстов для переоформления в свои), или когда *состязательный* мотив переходит в тотальное *инфантильное нежелание* уступать кому-либо в чем-либо, например, при агрессивном и неуступчивом поведении водителей на автодорогах. Знак мотивации – положительный или отрицательный, с точки зрения общественной морали и нравственности – легко показать на разнообразных примерах: например, бурный рост желающих попасть на службу в ГИБДД, или на определенные специальности вне зависимости от качества образования, или служить на определенном месте государственной границы (стандартная цифра статистики – 0,2 человека на место, но в определенном районе, 1,25 – к чему бы это?). Можно видеть стремительный приток желающих поступить в военные училища до войны в Афганистане и столь же стремительный отток, когда абитуриентам и их семьям стало ясно, что есть риск сразу после окончания обучения попасть уже офицером на поле боя.

Итак, **первый тренд** – видовое разделение мотивации на *внешнюю, состязательную и внутреннюю*. Все мотивы – суть *внешние, социально намеченные* обществом и государством. Они культивируются (развертываются через различные формы ориентиров: норм, ценностей, позиций, мировоззренческих принципов и др.), декларируются как обязательные для исполнения и воспитываются в различных социальных институтах: в семье, в дошкольных учреждениях, в школе, в вузе, на производстве и др. Внутри социума идет существенная, скрытая от внешнего наблюдения, неясная по целям и задачам, во многом стихийная, спонтанная и несистематическая работа по уточнению, определению и переопределению мотивов. В этом социальном котле пересекаются, «давят» друг на друга и меняются множественные силы и направления: государственные интересы, общественные ценности, нравственные идеалы, моральные устои, националистические приоритеты, этнические желания, религиозные позиции, художественные воззрения и др. Нередко в центре этой грандиозной активности оказываются властители умов, мудрецы и старцы, государственные деятели и лидеры этнических и политических течений, ученые, писатели и философы, праведники и преступники, абсолютно случайные носители кратковременных истин типа поп-идолов и кумиров рэпа и др. Понятно, что те социальные институты, которые претендуют на

доминирование «своих» мотивов, используют пропагандистское или «воспитательное» подавление, но результата утверждения и реального доминирования идеологом в мотивах наших соотечественников, как показал опыт 20-го века, даже в краткосрочной перспективе не очень заметно.

Постепенно, по мере проживания значимых для каждой личности жизненных коллизий, мотивы становятся *внутренними*. Каждый из интериоризованных мотивов проходит определенные стадии сравнения и сопоставления, рефлексии, осмысления, принятия и отвержения, ориентируя (по П. Я. Гальперину) человека в пространстве желаний, норм и ценностей поведения. Характер присвоения мотивации точно так же культурно-историчен, как и иные формы психологического содержания человеческой жизни. Писанные законы государства, неписанные законы общества, традиции, обычаи, привычки, вкусы, иные условности – все это развернуто для человека с началом его жизни и сопровождает его до самого конца. Но как правильно (а что это значит, *правильно?*) молодому человеку сориентироваться, разобраться в хитросплетениях права и целесообразности, долга и желания, честности и обмана, в таких понятиях, как долг, честь, совесть, мораль, нравственность, вера и т. п. А как разобраться в окружающих тебя людях, в отношениях между ними «по вертикали» (субординация, дисциплина, подчинение) и «горизонтали» (с равными себе, но разными по многим показателям: социальное положение, образование, возраст, пол, национальность, вероисповедание и т.п.)? Каждый поступок предполагает обращение ко всей системе освоенных человеком ориентиров, и если это освоение примитивное, ошибочное, инфантильное (безответственное, т.е. никак не ориентированное на других людей и обязательства перед ними), то ошибки мотивационного выбора всегда будут налицо.

Трудно сказать, должно ли быть незыблемым требование хотя бы внутренней непротиворечивости ориентировки? Возможно, для начала действия это необходимо. Например, в этнических сообществах столетиями выстраиваются определенные иерархии мотивов (Г. Гачев пишет о картинах мира народов, и вот, какова, например, актуальная иерархия у чеченского народа: похоронить родственника, выдать дочь замуж и накормить гостя [11]). Ощущают ли этносы и субэтносы отсутствие исторической преемственности этих ценностей сегодня? Да, конечно, интеллигенция – носители образов и моделей поведения и отношения – пытаются следовать сами и требовать от новых поколений этого следования. Но как быть молодым людям, когда, условно, они оказываются в перекрестье культур? Дома их ведут по жизни по канонам родной культуры, музыка, например,

социальный рэп, – по канонам другой, противоположной, а кинематограф – по третьей, а круг общения в сетях – еще по какой-то. Всегда ли отношения внутри этих культур и ценностей являются сугубо конфликтными [4; 12; 30]? Нет, конечно, есть *ассимилятивные*, когда одна культура толерантна и принимает в свое лоно другую; *дополнительные*, когда происходит непротиворечивое взаимодополнение; *диффузные*, статус отношений внутри которых по мере их освоения представителями этих культур еще не определен и др. Для нас важен промежуточный вывод, что мотивация – подвижна, и, если не рассматривать ее как «готовую» форму – *мотив*, а хотя бы проследить ее становление, то при расширении контекста анализа откроется примерно такая динамика: из внешних мотивов во внутренние, с серьезным противостоянием сегментов культуры и общественных страт. Старое и новое

Второй тренд развития мотивации мы видим в системе противоречий, возникающих в восприятии молодых людей и следовании «внешним» ценностям, когда, например, «государственное» начинает противоречить «общественному», «этническое» «семейному», не говоря уже о «личностном», которое еще вчера было в рамках принятых и нормативных иерархий мотивов, а сегодня уже может противоречить всему миру и даже самому себе. Это противостояние имеет разные формы – конфликтность, оппонирование, неприемлемость и др. – психологически оно нормально, поскольку является всего лишь симптомом кризиса личностного развития подростка и юноши [35]. Оно органично включено в культуру и представлено в виде «норм девиации», «кредита доверия» и др., но основную подвижность и динамику мотивации придает *состязательность*. Важнейшим условием развертывания кризиса и выхода из него выступает противоречие «хочу» и «могу». Состязательность в любой культуре появляется в районе кризиса ребенка 3-х лет, в это время впервые происходит сравнение себя со взрослым. Постепенно, по мере включения в новые социальные институты (детский сад, школу, спортивную команду, художественный кружок, секцию туризма, уличную компанию и др.) состязательность обычно поднимается на самый верх индивидуальной «пирамиды» мотивов, ибо этого начинают требовать референтные группы, в которые включен подросток. Ее соподчиненность и покорность, характеристики вызова или ответа обществу или семье, мощностность деструктивности или альтруизма и последовательность на этом пути – эти и многие другие моменты мотивации будут зависеть от включенности ребенка в семейные задачи, в учебу, в работу, в аффилированные отношения и др. В какой степени эти мотивы являются застывшими, фиксированными? В замечательном фильме Р. Быкова «Чучело»

драма мотивационного поиска подростков показана с предельной точностью. Несмотря на высокий спрос всех поколений подростков на такие духовные искания, подобных фильмов почти нет, он потребовал высочайшего мастерства художественного повествования и психологической подлинности от всех его участников.

Приведем блестящий классический пример мотивационного поиска – Пьером Безуховым из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. «Поступить в военную службу и ехать в армию или дожидаться?» — в сотый раз задавал себе Пьер этот вопрос. Он взял колоду карт, лежавших у него на столе, и стал делать пасьянс. – Ежели выйдет этот пасьянс, – говорил он сам себе, смешав колоду, держа ее в руке и глядя вверх, – ежели выйдет, то значит... что значит?.. – Он не успел решить, что значит, как за дверью кабинета послышался голос старшей княжны, спрашивающей, можно ли войти. *А далее великий психолог Л. Н. Толстой в эту процедуру мотивационного решения своего героя включает и позицию княжны, и неприятие ею Наполеона, и стоящую за ситуацией скрытую, неясную, еще плохо оформленную любовь Безухова к своему народу и еще массу деталей, которые требуют своего внимания от сопричастного, размышляющего и чувствующего человека. Базовые ценности в этом решении пересекаются с семейными, любовь с ненавистью, мужское с женским, нерешительность с решимостью – и все это богатство человеческого бытия причудливым образом концентрируется в актуальном мотиве, который и не назвать-то никак...* – Да ведь это так... Вы всё к сердцу очень принимаете, – сказал Пьер и стал раскладывать пасьянс. Несмотря на то, что пасьянс сошелся, Пьер не поехал в армию, а остался в опустевшей Москве, все в той же тревоге, нерешимости, в страхе и вместе в радости ожидая чего-то ужасного» [31].

Великолепный образ, с одной стороны, разрывающего личность сомнения, а, с другой, мотивационного движения, управляемого сложнейшей духовной работой героя. Удивительно, что примеры, коих в русской литературе предостаточно, современными отечественными психологами игнорируются, продолжая использовать жалкие и примитивные опросные тесты для оценки актуальной мотивации человека. Т.е. не анализ реальной жизни, но приведение к условной норме опросника становится инструментом психологической работы.

И, наконец, **третий тренд**: попытаемся ввести в наши рассуждения параметр времени и представить мотивационное движение через модель *воронки*. У воронки есть верхняя часть, там еще происходит поиск и верификации человеком наиболее значимых для него на данный момент ценностей (мотивов); и есть «сопло» воронки, на этом отрезке

времени присвоенные мотивы уже овладевают человеком, и он действует уже в логике их притяжения. Предварительно можно выделить три стадии подвижности мотивации по времени. 1) «Базовая», в рамках которой идет в основном нормативное движение мотивов в соответствии с формами активности, в которые включен молодой человек. Вхождение в определенную форму социальной активности однозначно ведет к оформлению внешнего мотива, но вот станет ли он внутренним, зависит от индивидуальной траектории развития личности, от ее принятия или отвержения, как самой ценности осваиваемой деятельности, так и ее аксессуаров или группового окружения, в рамках которого начинается эта скрытая от внешнего мира духовная работа. При этом нужно иметь в виду, что действующие уже столетие манипулятивные практики большевиков, продекларировавшие «землю – крестьянам, фабрики – рабочим, всем – мир!» ни на мгновение ничего не изменили в реальной жизни советских людей. Расхождение внешне декларируемого и реального непременно служит ключевым указанием на нарушения базовых устоев бытия. Так и происходит в социальной детерминации личностного онтогенеза: посеешь манипуляцию и обман, пожнешь в ответ еще более циничный вариант обмана и манипуляции грядущего поколения. Недооценка систематической дезориентировки молодых людей в их смысловом пространстве бытия является крупнейшей психологической ошибкой существующей в нашем обществе социальной организации. Манипулятивность в ответ на развертывание лжи является знаком деформации мотивационной сферы личности в целом. Здесь как раз «сопло» воронки не позволяет отклоняться от освоенных социальных стереотипов мотивационных предпочтений: собственной личностной или семейной ориентировки в пространстве ценностей уже нет, ее место начинает тотально занимать социальный конформизм. На этой стадии происходит совмещение, слияние и уже практически неконтролируемый синтез мотивов разного свойства: криминальных, делинквентных, девиантных (демонстративных, мстительных) и др.

2) «Институциональная-референтная» стадия; специально подчеркнем, что армия для молодого человека не просто социальный институт, но пространство, место и время личностной инициации, т.е. перехода к действительному статусу взрослого, отвечающего за себя и общность вокруг. Слабый или практически отсутствующий учет этого важнейшего для становления личности военнотрудового процесса однозначно приводит к тому, что на место общечеловеческих оснований инициации приходят ближайшие «референтные» ценности этнических, криминальных и девиантных (протестных в

отношении навязанных обществом манипулятивных ориентиров) групп. Невероятно трудно юноше за счет лишь семейного воспитания и собственного нон-конформизма противостоять, например, в сфере труда коррупции, взяточничеству, обману, воровству, «кумовству», несправедливости распределения обязанностей и доходов и другим «сопутствующим» деяниям. На сегодняшний день осуждены десятки губернаторов, сенаторов, депутатов разного уровня, министров и других чиновников. Это же не единичные случаи, это – тенденция! Подлог, обман, двуличие – легко было наблюдать эти проявления в «добыче QR-кодов». Человек покупает диплом специалиста, врача, педагога, кандидата или доктора наук вместо того, чтобы учиться, исследовать, вкладываться своим трудом в свои грядущие успехи. Крадутся и присваиваются чужие работы и изобретения. Учащийся покупает аттестат, диплом об окончании учебного заведения. Кто продает? Кто ставит гербовую печать? Все это происходит в здравоохранении, образовании, науке, спорте, общественной жизни, откуда же возьмутся иные траектории прохождения воронки мотивационного выбора?

В общении характерным институционально-референтным симптомом является национальная или религиозная неприязнь, подчеркивание социального неравенства, неуважение (надругательство, нетерпимость, глумление, презрение и др.) к обычаям, традициям или даже просто мировоззрению других людей (из нереферентных общностей). Для России, с ее многонациональностью и многоконфессиональностью, эта проблема стоит очень остро. Несложно показать, как возникает и развивается такая форма отношения к другим: прежде всего через культивирование безответственности за свою позицию, через манипулятивное утверждение ее исключительности и совершенности. Но именно таким путем создается в полном смысле слова «общественная практика» манипулирования: декларации одних ценностей и следование совсем другим, противоположным. Надо быть совершенно наивным и не испытавшим важного опыта пребывания в средней школе, чтобы не суметь соотнести постулируемость и подлинность мотивации, манипулятивный учитель обучает этому довольно быстро. А вот уже соотнесение доступных для наблюдения фактов, эта минимальная рефлексия переводит мотивацию поступка в следование императиву, с легкой руки Л. Н. Гумилева получившего формулировку «День, да мой!» [12].

3) «Инициационная-ситуативная» стадия. Наконец, обратим внимание на аспект «ситуативности» в осуществлении мотивационного выбора военнослужащим. Инфантильная переработка юношей сложной мотивационной картины настоящего может,

в том числе, управляться сиюминутными, микрогрупповыми, инициационными мотивами. Вновь следует указать, что криминализация межличностных отношений, систематическое присутствие в культуре отношений, языка, криминальной субкультуры, значение которой уже давно вышло за пределы всех возможных норм, является определяющим для современного личностного развития нашего юного соотечественника. Неприкрытая повседневная практика «подчинения», «отжатия», «наезда» и др. заметна уже в младшей школе. К старшей школе она набирает опыт систематического буллинга, кибербуллинга, моббинга, хейзинга (поясним эти термины: травля определенных школьников группами соучеников или их представителями в реальной жизни или в сетях, ритуальные отношения, позволяющие осуществлять всевозможные виды и формы насилия над одноклассниками и др.). Противоречия между «внешними» ценностями и кризисный, ситуативный характер трансформации мотивов – это норма подросткового и юношеского личностного развития. Примечательно, но «понимающий» диалог с военнослужащим, совершившим противоправное деяние, всякий раз выводит на его импульсивную природу: преступление не готовилось, не обдумывалось, все произошло спонтанно [14; 15; 16; 17]. Тем не менее, нормы спонтанного поведения проходящего инициацию юноши тоже задаются социальным дискурсом (контекстом) отношений и позиций. И этот дискурс, судя по всему, обращен в зону риска.

Таким образом, культурная преемственность форм насилия, унижения и подчинения – одна из иллюстративно-объяснительных линий нашего повествования – лежит в зоне действия подростково-юношеской инициации. В какой форме, с каким содержанием, прежде чем стать конкретным мотивом конкретной личности, осуществляется в мотивационном движении смесь альтруизма и эгоизма, мстительности и великодушия, принципиальности и беспринципности, дальновидности и беспечности, «души» народа или его кошелька, амбиций или затворничества и др. – составляет предмет конкретно-психологического исследования. Очевидно, что существующая практика в 2022 году, когда новые поколения входят во взрослую жизнь с нормой эффективного менеджмента советских времен, с презрением к правам и ценностям человека, с укладом в виде пыток, в небрежении к человеку, его правам и мнению – лишает молодых россиян будущего.

Завершая обзор мотивационных метаморфоз, развертывающихся в подростничестве-юношестве молодых военнослужащих, необходимо отметить, что мотивы могут быть застывшими, но могут меняться в связи с полимотивированностью и

скрытой сменой внутри мотивационных гетерархий. Мотив – это ценностный для личности образ (возможно, идеал), отражающий одновременно опредмеченную потребность личности, участвующей в конкретной деятельности по реализации целей и задач государства и общества. Мотивация – это развернутая ориентировка в ценностном пространстве, подвижная, меняющаяся в зависимости от целого ряда существенных условий личностного бытия. Можно говорить о некоторых допущениях в системе мотивов: условная разделенность деятельностей (но она необходима), признание наличия ведущей деятельности (хотя бы и временно), признание факта, что не все члены общества понимают необходимость собственного участия в решении целей и задач государства и общества (от полного признания до полного отрицания). Все формы социальной активности естественным образом сменяют друг друга и переплетаются по самым разным причинам и обстоятельствам в жизни человека, который для каждой новой социальной ситуации должен делать самостоятельный выбор о приоритетах и своей позиции.

На примере данных институтов мы можем видеть, как происходит искажение фундаментальных мотивационных ориентиров: когда в родовом селе призывника идет интенсивная силовая подготовка будущих военнослужащих, но не с мотивами соответствовать в армии образу профессионального солдата, а доминировать в смысле установления «казарменной власти». Т.е. не образование, не профессионализация, не приобщение к культуре и искусству народа или национальности, но мы можем видеть, как социальные институты подхватывают порочные ориентиры для достижения жизненного успеха при завоевывании жизненного пространства за счет другого военнослужащего.

Перейдем к обобщающей части и выводам. Армия должна быть открыта для гражданских исследований, поскольку без объективных характеристик своего развития решить проблемы, которые мы обозначили в своей статье, вряд ли возможно. Совершенно определено, что для изменения данного положения дел нужны глубокие перемены и подвижки в образовании, социальной политике, средствах массовой информации, во всех областях и сферах культуры. Необходимо внести в образование и культуру свежие, более эффективные и современные идеи личностного развития, а не плестись в хвосте примитивных манипулятивных практик. Следует квалифицированно готовить офицеров к психологической работе с военнослужащими своих подразделений. Представление о личностном развитии молодого человека, сопутствующих кризисах, групповых и этнических моделях инициации и др. – все это азы психологии, которые не преподаются в

военных училищах, поэтому молодые офицеры оказываются неподготовленными к воспитательной работе.

Наивно было бы полагать, что вопиющее различие декларируемых и реальных ценностей у молодежи оказывается незаметно или даже не всем в нашей стране заметно. Нет, заметно всем, на это указывают все корректно проводимые исследования. Стремление произносить нечто ценностное, а на деле реализовывать манипулятивное, как раз и создает базовое противоречие внешних и внутренних мотивационных ориентиров.

В правильной жизни правильно растут дети – эту максиму, сформулированную в свое время Л. С. Выготским, возможно использовать и для нашего обобщения. «Правильность» – это следование общечеловеческим ценностям, это движение не к формированию послушных пропаганде «масс» людей, сплоченных своим умением «колебаться вслед за линией партии» и быть предельно конформным, но к формированию конкретной личности, у которой на всех жизненных этапах есть выбор, но и есть понимание, что за этот выбор необходимо нести ответственность [8, с. 267].

Библиографический список:

1. Аронсон Э. Социальная психология: Психологические законы поведения человека в социуме / Аронсон Э., Эйкерт Р., Уилсон Т. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 560 с.
2. Басок К. Местные жители ставили некоторых лейтенантов на «счетчики». В комитете солдатских матерей привели примеры неуставных отношений в армии [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2021/11/29/14259547.shtml> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : Ежегодник 1984-1985. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1986. С. 80-160.
4. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 151 с.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности. Психологический подход. М.: Никая, 2019. 912 с.
6. На Украине солдат-срочник расстрелял пятерых сослуживцев [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/49784933/?frommail=1> (дата обращения: 18.03.2022).

7. Аналитический обзор. Готовность к службе в армии и неуставные отношения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gotovnost-k-sluzhbe-v-armii-i-neustavnye-otnosheniya> (дата обращения: 18.03.2022).
8. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
9. Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Проблема деятельности в советской психологии. М.: 1977. С. 19-40.
10. Гальперин П. Я. Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы) // Культурно-историческая психология. 2009. №1. С. 118-125.
11. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
13. Давыдов В. В., Маркова А. К. Концепция учебной деятельности школьников // Вопросы психологии. 1981. № 6. С. 13-26.
14. Дедовщине объявлен «отбой» [Электронный ресурс] // Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/12/dedovshchine-obiavlen-otboi> (дата обращения: 18.03.2022).
15. Джорджевич А., Прокушев В. Армейский устав един [Электронный ресурс] // Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/21/87174-armeyskiy-ustav-edin> (дата обращения: 18.03.2022).
16. Желнина Д. Объяснить, что такое армия, если ты не служил, невозможно [Электронный ресурс] // Милосердие.ru. Режим доступа: https://www.miloserdie.ru/article/obyasnit-chto-takoe-armiya-esli-ty-ne-sluzhil-nevozmozhno/?smart_analytics=si:2841|st:ga|ci:163436997|gi:72623951732|ki:kwd-297110048596|bi:334760377571|dt:c|ps:|rg:1011954|ti:kwd-297110048596|cs:&smclid=IA_rt_WCnb5KQmkUbik3I0FhX9EkpemwNCgzXcBCukdeew&gclid=CjwKCAiA55mPBhBOEiwANmzoQgEPhJDmInIoxTbArGwGJHNNPDzWPo3A7SAcnnuJA6pb83IUAU63zxoCi6kQAvD_BwE (дата обращения: 18.03.2022).
17. Коррупция в армии, пограничных органах и внутренних войсках МВД растет [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20100402/217768020.html> (дата обращения: 18.03.2022).
18. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

19. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
20. Маркс К. Из ранних произведений / Маркс К., Энгельс Ф. М.: Государственное издательство политической литературы. 1956. 690 с.
21. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 424 с.
23. На Камчатке пограничники отобрали у рыбака лодку, он обратился в прокуратуру [Электронный ресурс] // Кам 24. Режим доступа: <https://kam24.ru/news/video/20190830/70256.html#.ljkwiV3p.dpuf> (дата обращения: 18.03.2022).
24. Непокорных насилуют шваброй. Арестанты – о пытках в пресс-хатах, унижениях и муках за решеткой [Электронный ресурс] // Лента.ру. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/05/16/presshata/> (дата обращения: 18.03.2022).
25. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
26. Однозеркина Ж. Суицид перед нарядом: на Урале погиб второй солдат за два дня [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/29/14033095.shtml> (дата обращения: 18.03.2022).
27. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89», 2007. 704 с.
28. Психологические условия реабилитации наркоманов: опыт исследовательской реконструкции / Под ред. Муфтахетдинова М. Н. и Хозиева В. Б. М.; Нижневартовск, 2004. 160 с.
29. Опрос показал отношение россиян к ситуации в армии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20190412/1552633032> (дата обращения: 18.03.2022).
30. Роллс Дж. Классические случаи в психологии / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
31. Тойнби А. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
32. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, Ч. 2, гл. XVIII [Электронный ресурс] // rvb.ru. Режим доступа: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_6/0030_3-41.htm (дата обращения: 18.03.2022).

33. О положении дел в армии и срочной службе. [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11458> (дата обращения: 18.03.2022).

34. Хозиев Б. И. Пути активизации усвоения военнослужащими уставных норм жизни и деятельности в коллективе. М.: ИВИ МО, 1977.

35. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 62 с.

36. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971, № 4. С. 6-20.

Khoziev B.I., Khoziev V.B. Motivation as a form of orientation in the space of social values (using the example of analyzing the motives of military service)

Abstract: The motivation of military service is considered in the article as a complex process of acceptance and transformation of life values by a young man through manipulative trends and forms of modern culture.

Key words: motive, motivation, military service, hazing, non-statutory relations, delinquent behavior.